ТРОЛЛЕЙБУС ПОШЕЛ...

ПЕРВЫЙ троллейбус. По первой линии...

Две стрелы — его два токоприемника легко скользили по тугим струнам проводов, еще носящих следы защитной смазки. Ролики токоприемников сыпали снопы голубых и оранжевых искр. Это напоминало фейерверк. И, право, событие заслуживало того, чтобы в небо взвились ликующие огни разноцветных ракет.

Троллейбус пошел!..

Задумывались ли вы над тем, чем был и чем стал наш Брянск?

Увидев первый красно-желтый троллейбусный вагон, степенно и немножечко неуклюже вышедший на первую «обкатку» линии, я задумался.

БЫЛ ТЫ уездным, был ты губернским, наш древний Брянск. Чудно красивы были в разгаре весны и летом твои яблоневые горки над привольной Десной, над заливными ее лугами. Но в непогоду было ни проехать по твоим улицам, ни пройти, и горки твои безропотно принимали проклятия.

Как-то попался мне тощенький, порыжевший от времени журнал «Брянский вестник», помеченный 23 января 1894 года. И вот что я там прочитал:

«Если где-где, то именно и особенно ранней весной в Брянске следует подумать об учреждении альпийского (горного) клуба, где члены его занялись бы разрешением специального вопроса: «Об обуви для путей сообщения по улицам города Брянска». Человеку, непривычному, не только трудно, а иной раз решительно невозможно шагу сделать на крутых подъемах, особенно ранней весной и осенью, не рискуя сломать шею или, по меньшей мере, вывихнуть себе руку или ногу... Пусть представят себе только, каких нечеловеческих усилий стоит ведро воды жителям хотя бы Никольской или Петровской горы, которые ходят для этого на Десну...»

Трудно сейчас сказать, кого именно имел в виду журнал, восклицая «пусть представят себе». Городские власти? Или, может быть, самого царя-батюшку? Пустая затея! Ни казна, ни городские богатеи раскошеливаться не хотели. Им было вообще наплевать на простой люд. Сошлюсь на тот же номер «Брянского вестника». Журнал, по его выражению, «с особым удовольствием» заносил в городскую хронику факт открытия в Брянске двух первых артезианских колодцев. И оговаривался: один из двух фонтанов «дает нечистую воду и она никуда не применяется». И добавлял: «Есть еще третий артезианский колодец в Новой Слободе, в доме Баженова, но этот нам не удалось видеть: хозяин не пустил во двор».

Хозяин не пустил — вот и весь сказ. Что за дело было баженовым до городских нужд!

Я сослался на «Брянский вестник», появившийся в свет за 23 года до Великой Октябрьской революции. Ни один год из этих двадцати трех не изменил сколько-нибудь заметно улиц Брянска. В годину гражданской войны и разрухи тоже не доходили руки до облика города, хотя понемногу он и менялся к лучшему. Лишь годы пятилеток — первой, второй, а потом и третьей, прерванной войною, помолодили, подновили, немножко подняли Брянск над купеческими двухэтажными «небоскребами».

Старожилы помнят, как среди непролазной грязи на незамощенных улицах встал красавец Дом Советов, обнявшись аркой с таким же новеньким театром, казавшимся гигантом рядом с деревянной, дымящей трубами мелюзгой. Широкими светлыми окнами взглянуло на помолодевшую Советскую улицу массивное и, увы, сейчас почему-то запущенное здание лесного института. А рядом выросла по тому времени современная больница. И по соседству с нею — почтамт. По-новому стала выглядеть улица Ленина. Ее украсили жилой комплекс, поднявшийся вверх от Луначарской, жилой комплекс и школа — за театром. И прямо против театра — многоквартирный дом с аптекой внизу...

Да, и в те годы, когда страна героически создавала основу основ — свою отечественную могучую тяжелую промышленность, и тогда она немало выкраивала на строительство своих городов, а среди них и нашего Брянска. Но, что таить, до настоящего благоустройства было ему еще далеко. Помнится, автобусное движение существовало только между обоими нашими железнодорожными узлами через улицу III Интернационала, ныне — Калинина. Поддерживали это движение что-то не более пяти тупорылых и неуклюжих автобусов. Такси не было. Были извозчики на пролетках и были ломовики. Не было мостов через Судки, а были лестницы и кладки. Я ходил на работу через Верхний Судок. Триста двадцать (если не изменила память) ступенек вниз. Почти столько же вверх. Это в один конец. В другой, сработы, те же ступеньки в обратном порядке. Летом еще ничего. Зимой — не зевай, держись, или скатишься вниз, как в детской игре с фишками.

И деревянные тротуары тогда еще расценивались как весьма существенный вклад в городское хозяйство. Между прочим, просматривая недавно в связи со вторым «Днем мира» газету «Брянский рабочий» за 27 сентября 1935 года, я наткнулся на сообщение о том, что улицы Луначарского и Урицкого обогатились «тремя стами погонных метров деревянных тротуаров». Кто мог тогда подумать, что по залитой асфальтом улице Урицкого весело побежит, сверкая огнями, совсем такой же, как в столице, троллейбус?!

Но и тогда, со своими деревянными тротуарами в центре города, Брянск жил все более радостной, все более полнокровной жизнью. Обходясь без автобусов, кто легко, а кто с трудом преодолевая овражные лестницы, мы ходили вечерами в «Октябрь», кинозал которого размещался в старом соборе у базара, заполняли театр, носивший в то время и непонятно почему утративший теперь имя Владимира Маяковского. С театральных подмостков нас увлекал на подвиг неистовый Павка Корчагин. Мы еще не знали, что многим из нас эти подвиги предстоит совершить...

КОВАРНОЕ нападение гитлеровских полчищ на нашу Родину изменило все планы. Брянск отсылал своих лучших сынов на фронт. Брянск отбивал, как мог, предательские налеты «Юнкерсов». Сначала они бомбили только железнодорожные узлы. Потом пытались нащупать цехи нынешнего дормаша. Но горка над заводом, видно, сильно мешала, и сотни зажигательных бомб и оглушительно рвущихся фугасок падали в Десну, падали на луга за рекой. Залетали и на Петровскую горку, и тогда с нее тянуло смрадом пожара.

Потом, это было в субботу 30 августа 1941 года, на Брянск налетела стая фашистских стервятников. Как попало, без всякого разбора, сбрасывали они тяжелые фугаски на город. Среди знойного безоблачного дня стало темно, как темнеет внезапно в грозу. Одна волна тяжелых, надрывно воющих «Юнкерсов» сменяла другую. Казалось, разрывы бомб не смолкали ни на минуту. И так — три с лишним часа подряд.

Страшную картину разрушений представлял город. Пустыми глазницами зияли окна института, и вся мостовая была усыпана битым стеклом. Огонь пожарища кольцом охватил сквер Карла Маркса. Горели исковерканные дома первого и второго жилых комплексов Ленинской улицы. В чадном зареве, за разбитым бомбой корпусом строительного техникума тревожно белел фронтон банка — единственного тогда крупного здания на нынешней улице Горького... Никто бы не смог сосчитать домов, ставших кострами. Брянск горел, всю ночь и еще день висел над ним пепел. К счастью, человеческих жертв было относительно мало — люди успели эвакуироваться.

И ОПЯТЬ мы увидели огни пожарищ, когда в сентябрьские дни 1943 года части доблестной Советской Армии выбили гитлеровцев сначала из нынешних его Фокинского и Володарского районов, потом из Бежицы и центра Брянска. Левобережные районы города стали пустыней. Лишь исковерканные рельсы и обломки вагонов напоминали о былом железнодорожном узле. Утром 17 сентября мне удалось совершить полет над Брянском на легком двукрылом «кукурузнике», пилотируемом старшим лейтенантом Черносвитовым. Внизу лежали безжизненные раскрытые коробки заводских цехов. Машиностроительный, сталелитейный, завод дорожных машин — почти не отличались друг от друга своими разрушениями. Разве только вот завод имени Урицкого оказался вообще стертым с лица земли.

А город, наш родной, милый Брянск! Как он был изранен, опустошен, обезображен! Я это почувствовал, увидел, понял со всей остротой и болью, когда обошел его улицы, когда увидел, как полуразвалился, упав камнями на площадь, любимый театр, в стены которого враг вмуровал адские мины замедленного действия. Над чем только не глумились фашистские выродки! Они украли у города памятник Ленину, а за его пьедесталом, там где был сад клуба имени Кирова, натыкали частокол белочерных крестов. Под крестами были те, кто сполна получил возмездие от партизан, от советских воинов...

ВСЕ ЭТО всплыло в памяти, когда я увидел первый троллейбус на старых и вместе с тем молодеющих брянских улицах. Мне незачем говорить, каким стал наш сегодняшний Брянск. Я написал эти строчки для того, чтобы в праздник, когда стар и млад выйдет на одетые в кумач, расцвеченные огнями улицы, каждый из нас посмотрел бы на свой родной город немножко другими глазами. Порадовался бы переменам. Подумал бы о том, чего он не успел пока сделать для того, чтобы наш Брянск стал еще краше, еще опрятнее, зеленее, подумал, и сказал себе: «Я это сделаю».

Построю дамбы через Судки.

Перекину новые мосты через Десну.

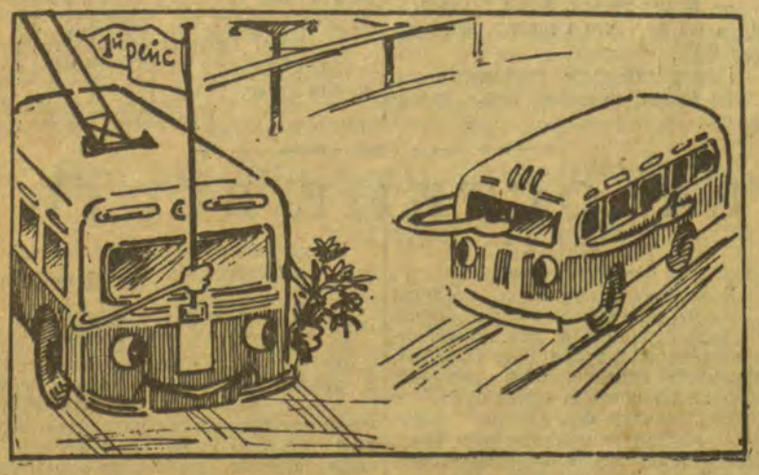
Пущу троллейбус на юг, к мясокомбинату, на север, к самым большим заводам города.

Построю еще сотни домов.

Подниму к жизни загубленную врагами Бабаеву рощу, посажу деревья на всех улицах, во всех дворах.

Пусть каждый так скажет. И сделает для своего города еще что-нибудь хорошее, доброе.

А. ЛАПИН.



—На пенсию мне рановато,
Автобус говорит собрату.
—Троллейбусу—трудиться тут!
А у меня иной маршрут.

Рис. Н. Сергеева. Текст А. Динабургского.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: г. Брянск, пл. К. Маркса, 1, ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 30-36; зам. редактора — 33-11; ответственного секретаря — 27-41; секретариата — 24-18; порта, строительства, торговли — 26-87; сельского хозяйства — 28-38; [illegible]